

РЕЦЕНЗИИ

С.Ф. Кокшаров

ФАКТЫ, КОММЕНТАРИИ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Рецензия на издание: Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири / Коллективная монография. — Екатеринбург: изд-во «Уральский рабочий», 2011. — 192 с., с ил.

Могильник Сатыга XVI — один из интереснейших объектов бронзового века Западной Сибири, привлекая внимание специалистов с момента его открытия. Достаточно сказать, что находки с некрополя почти сразу вошли в обобщающую монографию Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых «Древняя металлургия Северной Евразии», а памятник отнесен к сейминско-турбинским (далее — СТ) древностям [1989, с. 22–23, 275]. Это мнение было поддержано и другими исследователями [Григорьев, 1999, с. 192; Кузьминых, Дегтярева, 2006а, с. 233].

В 1987–1988 гг. памятник изучался Е.М. Беспрозванным, применившим индивидуальную фиксацию находок и промывку культурного слоя. Участвуя в 1988 г. в раскопках Сатыги XVI, я лично убедился в эффективности сочетания данных методик. Трудоемкая процедура промывки (просеивания) позволяла отследить даже мельчайший антропологический материал, например эмаль зубов. По моим подсчетам, человеческие останки были зафиксированы в 2/3 изученных могил. Значимость этих находок была очевидна, благодаря им сокращалось количество символических захоронений (кенотафов), являющихся характерной чертой СТ некрополей [Черных, Кузьминых, 1987, с. 84, 87; 1989, с. 5; Студзицкая, Кузьминых, 2001, с. 133–134]. Раскопки Сатыги позволили со значительной степенью уверенности говорить, что большое количество «кенотафов» на СТ памятниках объясняется не столько особенностями погребального обряда, сколько плохой сохранностью костей и, к сожалению, невысоким качеством полевых исследований.

С чертежами и находками 1987–1988 гг. мне довелось ознакомиться при подготовке кандидатской диссертации. Параллельно зарисовывались вещи: бытовая и технологическая керамика (посуда, литейные формы), изделия из металла, камня и кости. В этой работе мне оказали существенную помощь коллеги — А.А. Погодин и И.Е. Лебедева. Тогда же посчастливилось ассистировать В.А. Дремову, любезно согласившемуся осмотреть «сверхплановую» антропологическую коллекцию Сатыги. После совместной поездки на Кинтусовский могильник в сентябре 1983 г. это была последняя встреча с замечательным исследователем. Включение в книгу антропологических определений, сделанных Владимиром Анатольевичем, взятых из его личного архива, стало для меня приятной неожиданностью.

На рубеже 1980–1990-х гг. Е.М. Беспрозванный, склонный «скорее к коммерческой, чем научной деятельности» [Формозов, 2004, с. 303], покинул археологическую лабораторию Уральского университета. После этого идея совместной печатной работы по Сатыге потеряла для меня актуальность, хотя подобные предложения периодически поступали. Не драматизируя сложившуюся ситуацию, всегда считал, что научный отчет и находки интереснейшего памятника не пропадут и, рано или поздно, будут изданы.

По прошествии многих лет еще раз убеждаюсь, что любая публикация материалов некрополя, подготовленная в те годы, уступала бы в типографском исполнении книге 2011 г. Сейчас сняты многие барьеры, осложнявшие и сдерживавшие ранее выход печатных работ. Кроме того, появились возможности привлечения как бюджетных, так и внебюджетных средств.

В написании книги приняли участие не только археологи, исследовавшие Сатыгу XVI лично, но и специалисты, изучающие древние производства, — Л.Л. Косинская, А.Д. Дегтярева и С.В. Кузьминых. В работе публикуются результаты анализов антропологических и археозоологических остатков, выполненных В.А. Дремовым, Д.И. Ражевым и П.А. Косинцевым. Все они прекрасно понимали, что имеют дело с материалами памятника, очень востребованного в среде археологов, изучающих проблемы бронзового века не только Западной Сибири, но и обширной территории Евразии, поэтому постарались добротной и всесторонне представить предмет своих изысканий.

Подготовка рисунков велась супругами Н.А. и В.Н. Широковыми и В.И. Стефановым. Владимир Иванович выработал в археологической графике свой особый стиль, который легко рас-

познается даже в том случае, если его иллюстрациями пользуются коллеги по работе и обычно без упоминания имени создателя. Окончательная доводка изображений и значительная работа по макетированию книги осуществлены специалистом по бронзовому веку Сибири А.Я. Труфановым. Графика, дополненная фотоснимками, и информативные таблицы подчеркивают особую тщательность работы с публикуемыми источниками, а читатель может их сопоставить.

Соавторство всегда предполагает серьезную работу по модерированию текстов, принадлежащих перу разных авторов. Из выходных данных книги и предисловия следует, что эта задача поделена между А.Я. Труфановым (ответственный редактор) и В.И. Стефановым (общее редактирование всех глав). В качестве рецензентов книги фигурируют известные уральские археологи Н.В. Федорова и В.А. Борзунов.

Структурно монография состоит из предисловия, пяти глав, списков литературы и источников, сокращений и иллюстраций, представленных графическими рисунками и фотографиями. Удивляет отсутствие заключения, в котором бы содержались выводы коллективного исследования или озвучивались проблемы, касающиеся культурологической модели СТ феномена. В связи с этим замечу, что заключение — одно из обязательных требований, предъявляемых даже к журнальным статьям.

Возможно, заключение сочтено излишним, так как часть вопросов обозначены О.Н. Корочковой и В.И. Стефановым в последней главе, где могильник Сатыга рассмотрен на фоне памятников бронзового века Зауралья и Западной Сибири. Если заключение заменено пятой главой, то невольно возникает вопрос, почему в подведении итогов работы участвовали не все авторы? Получается одно из двух: либо другие исследователи делегировали О.Н. Корочковой и В.И. Стефанову формулирование выводов, будучи с ними солидарными, либо, напротив, категорически не хотели подписываться под заключительной частью. Впрочем, не исключен и третий вариант, который представляется мне наиболее вероятным. Соавторы просто не ознакомились с текстом пятой главы и, вполне естественно, не имели возможности для внесения в него правок и дополнений. В любом случае, заявленная коллективность монографии выглядит странной.

В предисловии содержится необходимая физико-географическая характеристика того района, где расположен могильник, краткая история изучения объекта, что можно только приветствовать. Однако обойден стороной вопрос об этимологии термина «Сатыга», склоняемого в тексте в женском роде: «*Сатыга... может быть отнесена...*» [Беспрозванный, Корочкова, Стефанов, 2011б, с. 6], «*Сатыга не слишком богата...*» [Корочкова, Стефанов, 2011а, с. 21], «*Сатыга не лишена индивидуальных особенностей...*» [Там же, с. 29], «*...ее сравнительно поздний возраст...*» [Корочкова, Стефанов, 2011б, с. 84]. Между тем это имя одного из грозных вогульских властителей XVIII в., являвшегося потомком князя Агая, который в конце XVI в. правил Кондой. Сатыга пользовался значительным влиянием у кондинского населения и мог повести за собой до 600 человек, оказывая вооруженное сопротивление крестителю Филофею Лещинскому [Бахрушин, 1935, с. 83–84]. Память о таежном воине сохранена в гидрониме — названии проточного озера Сатыгинский Туман, на берегу которого расположен могильник. К сожалению, и авторы, и редактор, и рецензенты упустили этот факт средневековой истории Кондинского края. Данный казус не привлек бы внимания, если бы не комментарии авторов относительно удачных/неудачных, с их точки зрения, понятиях, предлагаемых другими археологами [Корочкова, Стефанов, 2011б, с. 72, 75].

Значительное место в книге уделено рассмотрению и анализу источников (главы 1–4), а меньшая часть посвящена комментариям, касающимся выяснения места Сатыги XVI в свите древностей бронзового века Евразии (глава 5). Соотношение выделенных блоков по объему вполне естественно, а выбранная структура традиционна для многих археологических работ.

Вынесение общих сведений о памятнике в первую главу вряд ли удачно из-за ее незначительного объема (две с небольшим страницы). Уместно было рассмотреть данный вопрос в отдельном параграфе в главе «Описание исследованных объектов некрополя Сатыга XVI». Тем более, что эти блоки готовились одними авторами.

Во второй главе дано описание погребений, большая часть которых (1–33) раскопана Е.М. Беспрозванным. Это не копия научного отчета, хранящегося в архиве ИА РАН, а тщательно переработанный текст. В полной мере это относится к сопровождающим планам погребений. Присутствие среди авторов фамилии Е.М. Беспрозванного могло бы свидетельствовать о его согласии с редактированием исходной отчетной документации, но сомнения на этот счет возникают далее, когда приступаешь к внимательному прочтению главы.

В первую очередь книга представляет собой публикацию источников, поэтому обращает на себя внимание подача некоторых ключевых объектов и находок. Хотел бы остановиться, в частности, на рассмотрении погребений 9 и 11 (уч. Ж–3/9–10).

Восточная часть могильной ямы 11, дно которой засыпано слоем охры, прокопана до материка могилы 9, из чего следовало бы говорить о одновременности объектов. Вряд ли необходимо объяснять значимость подобных фактов при установлении последовательности погребений, например, при раскопках курганов, когда появляется великолепная возможность выяснения относительной хронологии разнокультурных комплексов. Однако О.Н. Корочкова и В.И. Стефанов незамедлительно интерпретируют факт. Перекрытие захоронений есть результат некоего загадочно-интригующего действия: «*проявление намеренных акций, о смысле которых можно только догадываться*» [2011а, с. 23].

Причина, повлиявшая на отход от предметного обсуждения наблюдаемой стратиграфии, лежит, что называется, «на поверхности». Соавторы позиционируют себя сторонниками культурологической модели СТ феномена, предложенной Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых в конце 1980-х гг. [Корочкова, Стефанов, 2011б, с. 77–78]. Они соглашались, что могильник Сатыга XVI могла оставить одна из северных групп СТ мигрантов, двигавшаяся к Уралу в сторону р. Печоры и Канинской пещеры, которая оказалась в инокультурной среде [Черных, Кузьминых, 1989, с. 275]. Предполагаемая стремительность продвижений СТ популяций, занявших ~100–200 лет [Там же, с. 261, 276; Они же, 1987, с. 105], исключает долговременное функционирование Сатыги XVI и соответственно сколько-нибудь существенный хронологический разрыв между могилами 9 и 11. В данном случае отрицается первичность источника и археологический факт (одновременность погребений) преподнесен второстепенным по отношению к неоднозначно воспринимаемой модели СТ передвижений в Северной Евразии.

Наблюдаемая стратиграфическая ситуация, напротив, заслуживает самого пристального и детального рассмотрения.

Прежде всего, обращают на себя внимание расхождения в планах обоих погребений, помещенных в отчете Е.М. Беспрозванного [1988, с. 9, рис. 12] и опубликованных в книге. Так, например, на план могилы 9 вынесены не все фрагменты бересты, найденные в северной и центральной части могилы, а в захоронении 11 две из четырех горелых плах (ур. -70...-72 см) обозначены берестой [Сатыга XVI, 2011, рис. 2.10. – 1]. Между тем эти конструкции достаточно крупные, хорошо читаемые в плане и поперечном разрезе могилы 11, который почему-то не включен в публикацию [Беспрозванный, 1988, рис. 12, профиль В–В']. Согласно тексту отчета, в могиле 9 лежал развал сосуда [Там же, с. 9], но в книге он обозначен простым скоплением керамики [Сатыга XVI, 2011, рис. 2.10. – 1]. На плане могилы 11 отсутствует кость, лежавшая среди обломков сосуда. В рецензируемой работе она подменена фрагментом керамики. Не исключая, что «невнимательность» автора раскопок, заинтересованного, казалось бы, в максимально точном воспроизведении отчетной документации, объясняется его формальным участием в создании книги. Этот вывод подкрепляется и нижеследующими наблюдениями.

В книге довольно странно рассмотрена керамика из обеих могил. Находки упомянуты в тексте и даже обозначены на планах [Беспрозванный, Корочкова, Стефанов, 2011а, с. 13–14, рис. 2.10. – 1]. Однако в иллюстрациях представлен лишь один из сосудов. Это емкость варпаульского типа, происходящая, по уверению авторов, из частично разрушенной ранней могилы 11 [Там же, с. 14, рис. 2.10. – 2]. Прорисовка же сосуда из погребения 9 почему-то не дана, как, впрочем, и не приводится его описание. Отсутствие рисунка и поясняющего текста по данному поводу настораживает и вызывает недоумение, поскольку сопроводительный инвентарь принято освещать в полном объеме.

Разновременность погребений 9 и 11 и особенности связанной с ними посуды привлекли мое внимание еще в конце 80-х гг., когда я имел доступ к коллекции могильника, работая над диссертацией. Стратиграфия и планиграфия обоих объектов свидетельствовали не только об их очевидной одновременности, но и о том, что захоронения совершены через продолжительный временной интервал, в течение которого могильная яма 11 должна была заплывть и стать малозаметной на поверхности террасы. Что касается поздней могилы 9, то она хорошо выстраивается в один ряд с другими варпаульскими погребениями — 4, 12, 24, 27 [Сатыга XVI, 2011, рис. 1.5].

На хронологический разрыв между погребениями 9 и 11 указывал также облик связанной с ними керамической посуды.

Захоронение 11 было одним из немногих объектов, в заполнении которого находился почти полный развал сосуда, но совершенно не того, на который указывают авторы рецензируемой книги. Это была толстостенная банка, фигурирующая в монографии на рис. 2.41. – 3 и 4.5.3. – 4. Она имела открытую форму и украшена отпечатками печатного гребенчатого штампа, образующими в верхней части сосуда вертикальные колонки, пространство между которыми заполнено горизонтальными параллельными поясками. Эта зона отделена от придонной части горизонтальной «волной», составленной из двух параллельных поясков отпечатков штампов. Декоративно-морфологические особенности сосуда позволили отнести его к керамике полымьятского типа. В.И. Стефанов также выделяет эту находку из керамической коллекции могильника, обращая внимание на толщину стенок емкости и ее оригинальный декор [2011, с. 53]. Удивило неожиданное перемещение данного сосуда в пределах уч. Е/9: из могилы 11 в условное «погребение» 43 [Беспрозванный, Корочкова, Стефанов, 2011а, с. 20, рис. 2.41. – 3 и 4.5.3. – 4].

На этом «телепортация» керамики в уч. Е/9 не завершилась. Горшечно-баночный сосуд варпаульского типа из заполнения более позднего погребения 9 оказался перемещенным в захоронение 11 [Сатыга XVI, 2011, рис. 2.10. – 2 и 4.5.6. – 3].

Факт перекрытия погребений с полымьятской и варпаульской керамикой на могильнике Сатыга XVI отмечался еще в 1993 г. в рукописи кандидатской диссертации [Кокшаров, 1992, с. 124], а также в статье, опубликованной за полгода до выхода рецензируемой монографии [2011а, с. 180]. Однако О.Н. Корочкова и В.И. Стефанов сочли достаточным ограничиться одной работой конспективного содержания [Кокшаров, 1991б, с. 98], безапелляционно подытожив, что факты стратиграфии полымьятских и варпаульских объектов неизвестны и вряд ли существуют [2011б, с. 75].

Изложенное выше однозначно свидетельствует о том, что соавторы не смогли, в силу каких-то обстоятельств, разобраться в распределении материала в объектах, допустив «кочевание» находок в пределах уч. З/9. Одна из возможных причин случившегося — неоднократные подтопления действующего хранилища археологических коллекций университета по проспекту Ленина, 51, и его аварийное состояние. После форс-мажорных событий и переноса коллекций могли быть утрачены не только отдельные вещи, но и шифры, нанесенные на предметы. Кстати, на неоднократные перемещения вещей и утраты некоторых их деталей указывают авторы [Кузьминых, 2011б, с. 33]; это заметно и по некоторым рисункам вещей, например реконструкциям кельтов (см. далее).

В третьей главе «Погребальный обряд» могильник сопоставляется с памятниками сейминско-турбинского времени по топографии и инвентарному комплексу [Корочкова, Стефанов, 2011а, с. 21]. Наличие «специфических изделий из металла и камня» выдает СТ принадлежность кондинского некрополя [Там же, с. 25]. Правда, из этой фразы вовсе не следует, что О.Н. Корочкова и В.И. Стефанов принимают точку зрения Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых [1989, с. 22–23, 275]. В пятой главе они уже не столь настойчивы и категоричны и признают проблему культурной принадлежности могильника нерешенной [Корочкова, Стефанов, 2011б, с. 61]. Справедливо подчеркивается, что в модель подвижности и динамичности СТ групп не вписываются крупные размеры кладбища, наличие захоронений женщин и детей, перекрытие могил и облик керамической посуды¹ [Там же, с. 84].

О.Н. Корочкова и В.И. Стефанов предпочитают не говорить о проникновении в таежные районы Западной Сибири (на Конду, в частности) двух исходных СТ групп, определяемых специалистами как алтайский и саянский компоненты [Черных, Кузьминых, 1989, с. 270]. В качестве возможных ретрансляторов позднебронзовых технологий в металлопроизводстве и бронзовых орудий СТ облика авторы главы называют прииртышское население, оставившее памятники степановской и кротовской культур [Там же, с. 81], а сам могильник отражает контакты СТ популяций (или групп, племен, племенных группировок, к сожалению, авторы не уточняют. — С. К.) среднеиртышского происхождения [Там же, с. 85]. По логике рассуждений, на смену исходной саяно-алтайской СТ группировке приходит другая — иртышская. В таком случае следовало бы пояснить, что произошло с первой популяцией в Прииртышье и какая из названных групп (а может быть, обе?!) пересекла Урал, оставив по ходу движения Турбино, Сейму и другие объекты.

¹ Замечу, что во всех главах, за исключением пятой, О.Н. Корочкова и В.И. Стефанов избегают определения «варпаульский тип керамики», предложенного в 1991 г. для обозначения основного комплекса могильника Сатыга XVI [Кокшаров, 1991а, с. 68; 1991б, с. 98, рис. 2; 1993, с. 11–12; 2006, с. 51–53; 2011а, с. 180].

Первоочередное внимание авторов обращено на особенности кондинского могильника. С одной стороны, они отмечают здесь отсутствие эффектных изделий из металла и нефрита, известных на других СТ памятниках, а с другой стороны, указывают на многочисленность керамической посуды и большое количество могил, свидетельствующих о долговременности некрополя.

Действительно, в Сатыге нет «исконно этнического» или «этнически знакового», по определению Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, СТ бронзового оружия совершенных форм — наконечников копий с вильчатым стержнем, кельтов и кинжалов с металлическими рукоятями [1987, с. 84, 105]. Последним отведено особое место. Они рассматриваются специалистами как оружие исключительно «княжеского» ранга, социально более значимое, чем наконечники копий и кельты. Наличие в коллекциях кинжалов признается достаточным основанием для определения СТ принадлежности памятников, на которых они были найдены (Сейма, Турбино, Ростовка, Елунино, Галичский клад) [Черных, Кузьминых, 1989, с. 108–110; Студзицкая, Кузьминых, 2001, с. 134; Черных, 2009, с. 270–271, 273]. Отсутствие престижных металлоемких вещей на кондинском могильнике объяснено нехваткой металла у мигрантов, оказавшихся вдали от источников сырья, и экономным расходом металла. Однако подобные рассуждения не более чем интерпретации, которые, как известно, вторичны по отношению фактам (археологическим источникам).

Пластинчатые ножи, долота из металла, наконечники стрел и ножи из кремня, костяные пластины с отверстиями, найденные в Сатыге, имеют транскультурный облик и вполне могут быть атрибутированы как синхронизмы. В этой связи любопытны разногласия О.Н. Корочкиной и В.И. Стефанова с С.В. Кузьминых в отношении культурной принадлежности западно-сибирского могильника Товкуртлор 3 (бассейн р. Казым). Он сближается с Сатыгой по облику кремневых наконечников стрел [Косинская, 2011, с. 50] и наличию ножей-скобелей разряда НК-24 [Кузьминых, 2011б, с. 35]. Екатеринбургцы предполагают, что некрополь оставлен таежными аборигенами [Корочкина, Стефанов, 2011а, с. 29], тогда как их коллега включил его в базу данных СТ древностей, связав с южно-сибирскими мигрантами [Кузьминых, 2011в, с. 245]. Судя по всему, соавторы так и не смогли определиться с СТ или самусьско-кижировской (далее — СК) принадлежностью Товкуртлора 3, пойдя на компромисс, отраженный в публикуемых картах [Сатыга XVI, 2011: ср. рис. 5.1.1 и 5.1.2].

В главе сделана попытка разобраться в хаотическом на первый взгляд расположении могил. Авторы верно подметили такие признаки, как концентрация захоронений в центральной, наиболее возвышенной части могильника и отчетливые ряды, образуемые некоторыми погребениями. Вместе с тем параметры могильных ям (длина, ширина, глубина), приводимые в тексте, трудны для восприятия. Давно известно, что подобная информация лучше организуется и воспринимается в табличном виде.

К сожалению, в этой части работы отсутствуют какие-либо упоминания о применении в 2001 г. промывки и просеивания грунта из погребений. Не исключаю, что О.Н. Корочкина, запросившая в тот год Открытый лист, не прибегала к проверенной методике. Иначе она получила бы антропологический материал не из трех, а из большего числа захоронений.

За истекшие годы материалы могильника успели, что называется, «отлежаться», а после раскопок 2001 г. они даже пополнились [Корочкина и др., 2002, с. 428–430]. С течением времени изменилось отношение исследователей к некоторым источникам. Например, кремнированные человеческие останки, датированные мезолитическим временем [Беспрозванный, Погодин, 1998, с. 48–62], В.И. Стефанов и О.Н. Корочкина предложили связать с некрополем бронзового века [2011а, с. 24–25, примеч. на с. 60]. Они предусмотрительно не категоричны в суждениях и предпочитают говорить о неоднозначной оценке упомянутых находок [Беспрозванный, Корочкина, Стефанов, 2011б, с. 5].

В главе 4 «Характеристика инвентаря» подкупает обстоятельность изложения характеристик и детальное рассмотрение различных категорий находок: литейных форм, изделий из металла, включая химический и структурный металлографический анализы, инвентаря из камня, кости и керамической посуды. Особое внимание привлекают типологические построения и попытки обобщения полученных результатов.

К числу особенностей сатыгинского металла отнесены низкая степень легированности Sn и низкое его содержание (0,8–3,6 %), отливка орудий без последующей кузнечной обработки (47 %) при полном отсутствии таких способов получения орудий, как формообразующаяковка, сварка, а также редкость использования упрочняющего наклепа на лезвиях [Дегтярева, Кузьминых, 2011, с. 40, 42–44]. Эта коллекция находится особняком по отношению к синташтинским и пет-

ровским материалам, где крайне редко практиковалось литье готовых форм или литье в сочетании с небольшими степенями деформации металла [Там же, с. 44].

Интересен вывод А.Д. Дегтяревой и С.В. Кузьминых о наибольшей близости металлических изделий Сатыги (по некоторым традициям и навыкам) с коллекциями ямных памятников Приуралья, где было широко распространено получение медных отливок в формах в сочетании с кузнечной доработкой рабочей части при средних степенях обжата [Там же]. Это замечание довольно любопытно, так как может свидетельствовать о сохранении традиций в сфере металлообработки. Дело в том, что в начале бронзового века на Конде было впервые освоено литье заготовок в открытых формах, обрабатывавшихся впоследствии ковкой. Это производство возникло, скорее всего, не конвергентно, а в результате опосредованного влияния металлургических и металлообрабатывающих очагов ЦМП на позднем этапе ее существования [Кокшаров, 2011в, с. 129] и сохранялось до начала позднего бронзового века в верхнем течении Конды и южной части Нижнего Приобья [Кокшаров, Погодин, 2005, с. 109–110].

Казалось бы, при скрупулезности описательной части в ней не должно остаться существенных пробелов. Однако неудовлетворительная сохранность находок обусловила неоднозначность восприятия некоторых вещей. Соглашусь с С.В. Кузьминых, что сохранность матриц, особенно для изготовления кельтов, оставляет желать лучшего. В связи с этим хотел бы обратиться на внимание на расхождения в реконструкции литейных форм для кельтов и ножа, связанных с погребением литейщика.

После первого знакомства с находками Сатыги Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых отнесли «*обломки от трех-четырех глиняных матриц*» к негативам кельтов разряда К-10 [1989, с. 46]. Однако в 2011 г. С.В. Кузьминых существенно скорректировал прежнюю оценку [2011в, с. 244]. Он ведет речь о реконструируемых кельтах двух типов. В одной из матриц могли отливаться орудия разрядов К-14 или К-18, в другой — изделия разрядов К-10 или, с меньшей вероятностью, К-16 [Кузьминых, 2011а, с. 30–31]. Опираясь на иллюстрации В.И. Стефанова, он сосредоточивается на вероятном облике отливок и их параметрах.

Не ставя под сомнение выводы о принадлежности отливок к обозначенным разрядам, сфокусирую внимание на нюансах в передаче некоторых деталей публикуемых материалов. Высоко оценивая графику Владимира Ивановича, вижу в его реконструкциях не только перемещения фрагментов от различных форм, но даже утраты отдельных обломков.

Обломки действительно принадлежат двум формам для кельтов. Подбор и последующее склеивание фрагментов позволили мне получить графические реконструкции, отличающиеся в деталях от тех, что предложены в книге В.И. Стефановым и использованы С.В. Кузьминых [2011а, с. 30–31]. Чтобы не быть голословным, приведу собственные рисунки обеих матриц (рис. 1) в надежде, что в возникшем вопросе нас рассудит третья, не ангажированная сторона.

Работая над реконструкциями матриц в 1980-х гг., я обратил внимание на такие признаки, как толщина стенок створок в местах их совмещения, глубина канавок, оформлявших «ребра жесткости», и наличие параллельных и пересекающихся пропилов, позволявших безошибочно собрать форму.

У матрицы кельта разряда К-10 (К-16) уплощенное основание, максимальная толщина боковых стенок наблюдается в верхней части изделия, ближе к устью, — 6,5–8 мм, а минимальная — в нижней, 4,5 мм (рис. 1, 1А–1Д). В противоположной части изделия ширина бортика между полостью, оформлявшей лезвие кельта, и торцом матрицы еще меньше — ~2,5–3 мм. Канавка, опускающаяся почти до угла лезвия, широкая и глубокая [Кокшаров, 2006, рис. 3, 1б]. Предполагаемая длина кельта, ширина лезвия, длина и ширина втулки — 106; 51; 45×31 мм.

Форма для кельтов К-14 (К-18) имеет скорее округло-уплощенное основание, ширина бортиков в устьевой части чуть меньше и составляет ~5,5–6 мм, сужаясь у лезвия до 4,5 мм (рис. 1, 2А, 2В, 2Г). Наибольшая ширина бортика в торцовой части формы 5 мм, т.е. почти в два раза больше, чем у первого изделия. Канавка, упирающаяся в угол, образуемый боковой гранью и лезвием орудия, почти вдвое уже и не столь глубока, как в первом случае. Предполагаемые размеры отливки — 109; 60; 49×37 мм.

Другое замечание касается облика пластинчатого ножа. Особенности его морфологии обсуждались Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых в связи с возможным отнесением находки к разряду НК-6 [1989, примеч. на с. 94]. Впоследствии перечень разрядов был расширен до НК-2, 4, 6 и уточнено, что изделия приобретали окончательный облик после кузнечнойковки [Кузьминых, 2011в, с. 244].

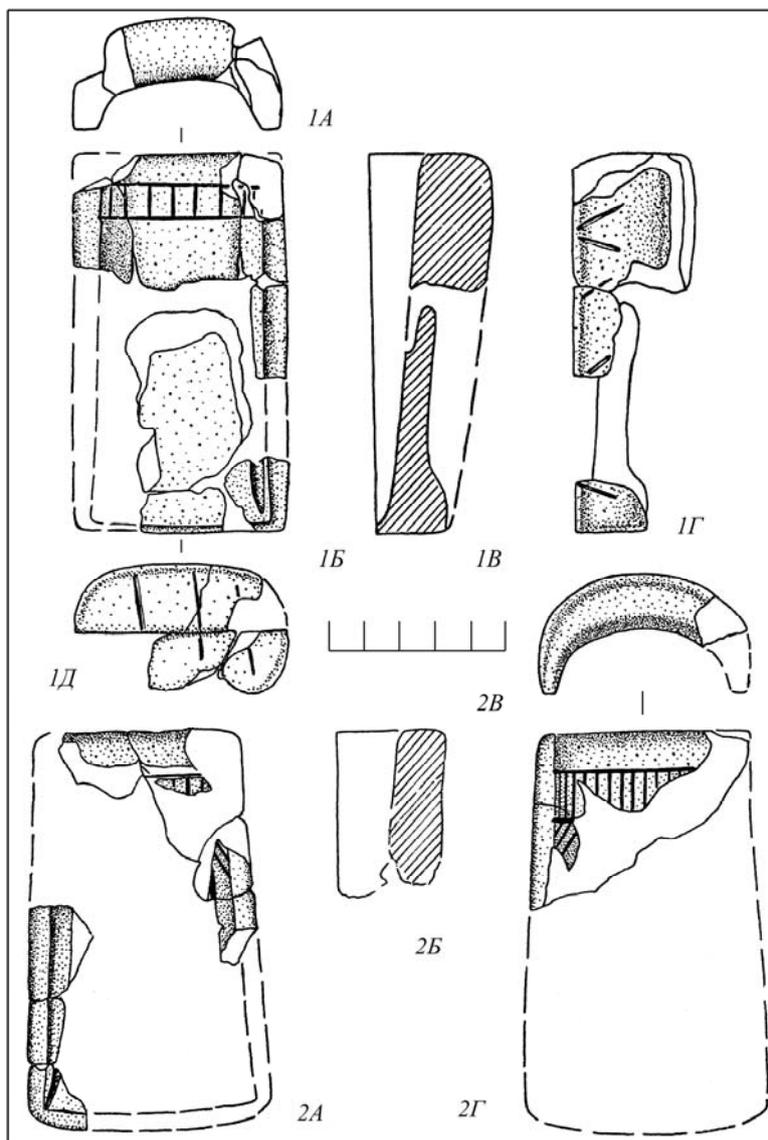

Рис. 1. Прорисовки литейных форм кельтов из погребения 5 могильника Сатыга XVI

Разряды НК-2, 4 и 6 отнесены к диагностическим СТ типам ножей [Черных, Кузьминых, 1989, с. 91]. В рецензируемой книге С.В. Кузьминых поясняет, что в определении типологической принадлежности получаемой отливки следует обратить внимание на расширение лезвия в средней части (или близко к ней), что присуще изделиям разряда НК-4, имеющимся на могильнике [Кузьминых, 2011а, с. 31]. Однако он не настаивает на этом выводе. В параграфе 4.3, подготовленном совместно с А.Д. Дегтяревой, отмечается, что в двусторонних (с матрицей с негативом ножа и плоской крышкой) литейных формах с литниковым каналом производились изделия типов НК-2 и 4 [Дегтярева, Кузьминых, 2011, с. 40–41].

Некатегоричность суждений исследователей вполне объяснима. Конфигурация негатива может действительно указывать на оригинальность отливки, имевшей облик отличный от того, на который указывают специалисты (орудия типов НК-2, 4, 6). На стороне противоположной литнику наблюдается отчетливое сужение полости, после чего она меняет под прямым углом направление, подходя к самому краю (?) формы. Изгиб позволял получать пластинчатые двулезвийные ножи со своеобразным «L»-образно загнутым острием. Размер получаемой отливки — 11 (?) × 2–24 × 3 мм.

Ножи с клювовидным концом (ножи-пилки) фигурируют в сводках СТ металла под разрядами НК-18, НК-20 [1989, с. 101, 103, рис. 60, 4, 6]. Один из них, крепившийся в костяной рукояти, происходит из погребения 20 могильника Ростовка. В.И. Матющенко и Г.В. Сеницына отнесли его к VIII классу ножей [1988, с. 30, 80, рис. 35, 1; 80, VIII]. Первоначально Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых включили ростовкинский экземпляр в условно выделенный разряд НК-28 [1989, с. 105]. В рецензируемой книге вещи данного типа определены как ножи-вкладыши и рассматриваются в качестве характерных орудий восточной зоны распространения СТ-памятников [Кузьминых, 2011б, с. 36–37]. В качестве еще одного аналога можно привести изделие, происходящее с Шайтанского озера II [Сериков и др., 2008, рис. 3, 29; 2009, рис. 4, 11]. Правда, судя по рисунку, крюк оформлен не на острие, а на насаде. Окончательный вывод о выделении ножей с крюком (или клювовидным концом) в отдельный тип может быть сделан лишь после микроструктурного металлографического анализа, в ходе которого будет установлена технология оформления изгиба лезвия (ковка или литье).

Авторы справедливо отметили неместное происхождение ножа разряда НК-16 из могилы 3 [Кузьминых, 2011б, с. 34]. Эта находка, отнесенная к числу ножей срубно-андроновского типа, неоднократно упоминалась в связи с синхронизацией варпаульских комплексов Западной Сибири (Сатыга XVI, Сайгатино VI, Товкуртлор 3) с черноозерско-томскими древностями АКИО [Кокшаров, 1991б, с. 98, рис. 2, 27; 2006, рис. 3, 8; 2011а, с. 180]. Правда, А.Д. Дегтярева и С.В. Кузьминых придерживаются иного мнения. Они видят в нем импорт «из петровской среды» [2011, с. 44], отмечая в металле отсутствие примеси As, что указывало бы на его абашевосинташтинское происхождение [Там же, с. 39]. Подобный подход означает удревнение находки, что, по замыслу авторов, вполне соответствовало бы синхронизации петровских и СТ комплексов в рамках ПБВ-1. О.Н. Корочкова и В.И. Стефанов высказываются более осторожно. По их мнению, нож вызывает петровские/раннеалакульские ассоциации [2011б, с. 84]. Совершенно очевидно, что все авторы стремятся архаизировать предмет, выводя его из числа параллелей алакульским и федоровским ножам, хотя указывают на попытки синхронизации СТ металла и андроновских древностей другими исследователями [Там же, с. 63].

Действительно, наиболее полные соответствия ножу разряда НК-16 (по широкой пятке, оформлению перекрестия, конфигурации клинка, расширяющегося в нижней трети, четким ребрам с обеих сторон лезвия, придававшим клинку ромбическое сечение) известны в более поздних комплексах (рис. 2). В числе последних ножи из погребения 3 алакульского кургана 18 могильника Субботино [Потемкина, 1973, с. 56, рис. 4, 2; 1985, с. 242, 249, рис. 101, 1], алакульского погребения 7 Царева кургана [Сальников, 1967, рис. 51, 11], погребения 131 Черноозерского I могильника [Генинг, Стефанова, 1994, с. 55, рис. 21, 1], поселения Аркаим [Зданович, Батанина, 2007, рис. 3, 3]. Правда, в последнем случае не указана привязка предмета к культурному слою (синташтинскому или алакульскому). Очень близок сатыгинскому нож с Шайтанского озера II, правда, его раскованный черешок не столь широкий [Кузьминых, Стефанов, 2012, рис. 2, 9].

Специалисты относят ножи с перекрестьем и перехватом к евразийскому компоненту металла, подчеркивая, что они встречаются на большом числе памятников и культур ЕАМП, но составляют меньшую часть находок в составе СТ комплексов [Черных, Кузьминых, 1987, с. 98, 99]. По наблюдениям Е.Е. Кузьминой, петровские изделия образуют раннюю группу евразийских степных ножей с выделенным перекрестием, предшествуя типологически алакульским [2008, с. 104]. Ножи с широкой пяткой, напоминающие сатыгинский, отнесены ею ко II типу и особенно характерны для андроновской культуры (алакульские и кожумбердынские объекты) [Смирнов, Кузьмина, 1977, с. 35, 37, рис. 10; Кузьмина, 1994, рис. 29]. Незначительное «грибовидное» расширение насады, указывающее, казалось бы, на ранний возраст предмета, оформлено не литьем, а ковкой. Механическая же деформация черешка могла произойти когда угодно — как в мастерской литейщика, так и после, когда орудие попало на север, поэтому было неосмотрительно рассматривать данный признак в качестве определяющего хрономаркера.

В параграфе, посвященном анализу каменного инвентаря, хотел бы обратить внимание на один из поспешных выводов Л.Л. Косинской, касающийся чужеродности кремневого комплекса могильника в бассейне Конды. Она опирается на собственные наблюдения, указывая, что «уже в неолите местные культуры почти полностью утрачивают технику призматического расщепления и формируют традицию кварцево-сланцевых индустрий, существовавшую до эпохи железа» [2011, с. 50].

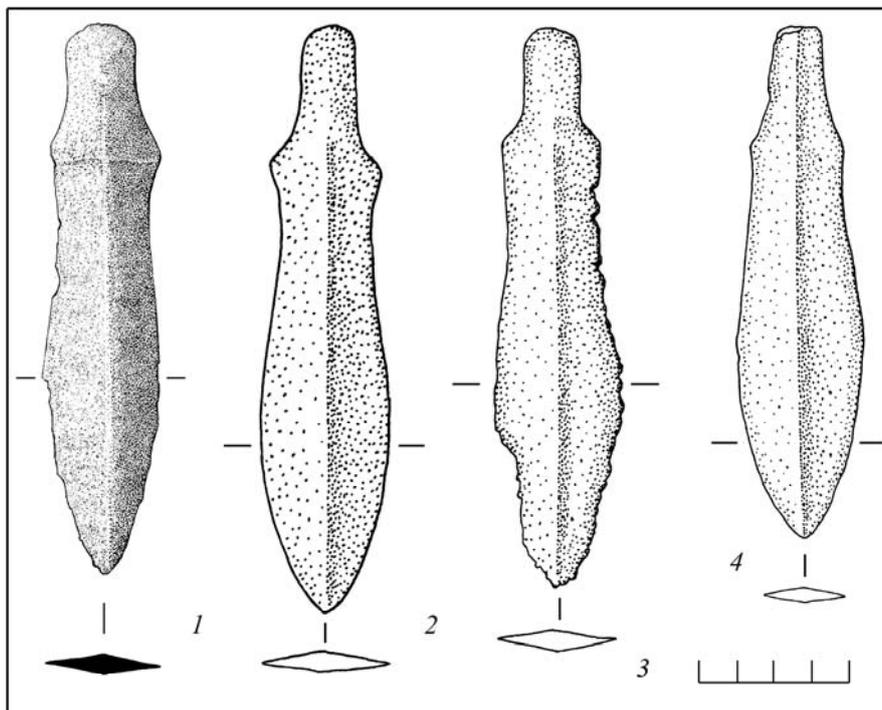

Рис. 2. Ножи с намечающимся перекрестием с памятников Западной Сибири:

1 — погребение 3 могильника Сатыга XVI; 2 — алакульское погребение 7 Царева Кургана. По К.В. Сальникову [1967, рис. 51, 11]; 3 — погребение 3 алакульского кургана 18 могильника Субботино. По Т.М. Потемкиной [1985, с. 242, 249, рис. 101, 1]; 4 — погребение 131 Чернозерского I могильника. По В.Ф. Генингу и Н.К. Стефановой [1994, с. 55, рис. 21, 1]

Дело в том, что на севере Западной Сибири, и на Конде в частности, известны археологические памятники, в слоях которых обнаружены скребки, пластины, наконечники стрел и отходы их производства из светлых пород кремня (Вар-бор I, Леуши I, IV, Геологическое VII на Конде, Пяку-то I в Надым-Пуровском междуречье). По мнению А.А. Погодина, в результате обменов на север региона могло поступать не исходное сырье (например, розовый кремень), а готовые изделия и сколы-заготовки [Сергеев, Погодин, 2008, с. 192]. Наконец, в одной из работ Л.Л. Косинская указала на местное происхождение кремневого сырья светлых оттенков, орудия из которого найдены на поселении Пяку-то I [2010, с. 58]. Таким образом, вопрос о СТ принадлежности кремневых наконечников и пластин, найденных на Сатыге, следует признать открытым.

Керамическая коллекция обстоятельно разобрана В.И. Стефановым. Он приводит детальное описание находок, вплоть до характеристики отдельных емкостей, например банки из разрушенного полымьятского погребения (см. выше). Можно согласиться с выделением двух морфологических групп посуды — стандартных и индивидуальных форм, но, как отмечалось выше, я не вижу никаких оснований для объединения в одном комплексе разновременной, на мой взгляд, керамики полымьятского и варпаульского типов.

Естественное возражение вызывает также вывод о функциональном назначении варпаульской керамики. По О.Н. Корочковой и В.И. Стефанову, с памятника получена «замечательная» серия погребальной посуды (55 экз.), из которой более десятка развалов происходят из межмогильного пространства [Корочкова, Стефанов, 2011а, с. 21, 26; Стефанов, 2011, с. 51]. Предложение связать внемогильные сосуды с поминальными церемониями вполне резонно, но оно порождает естественный вопрос: насколько правомерно включать поминальную керамику в сопроводительный инвентарь? К сожалению, у нас нет соответствующих данных из сибирской этнографии, и можно лишь предполагать, что вряд ли для поминальных целей изготавливались какие-то особые емкости. Не исключено, что родственники усопших, посещавшие кладбище через какое-то время, приносили и оставляли здесь обычную кухонную или поселенческую посуду. Это замечание представляется важным, поскольку керамика некрополя рассматривается в качестве единого культурно-хронологического комплекса [Стефанов, 2011, с. 54], из чего сле-

дует, что отсутствуют принципиальные различия погребальной и поминальной (или поселенческой?) посуды. Это делает беспредметными все последующие рассуждения авторов о различиях керамики из захоронений и жилищ [Там же, с. 54, 56; Корочкова, Стефанов, 2011б, с. 85].

В.И. Стефанов указывает на близость позднебронзовой посуды могильника Сатыга «по многим признакам с керамикой раннебронзовых культур таежных и лесостепных областей Западной Сибири», отмечая, что она не лишена своеобразия [2011, с. 54]. Примечательна еще одна констатация: «параллели сатыгинскому керамическому комплексу в массиве таежных древностей ранней поры бронзового века представляются нам более основательными, нежели в памятниках лесостепных культур» [Там же, с. 56]. В приведенном перечне фигурируют кротовские, елунинские, степановские, ташковские комплексы, материалы могильников Ростовка и Товкуртлор 3, которые в пятой главе определяются уже как *позднебронзовые* (выделено мною. — С. К.), принадлежащие к блоку культур восточной зоны Евразийской металлургической провинции [Корочкова, Стефанов, 2011б, с. 66]. Несогласованный текст озадачивает: либо за ним кроются разногласия авторов по данному вопросу, либо он не вычитан.

Параллели, приводимые В.И. Стефановым, демонстрируют очевидную избирательность ведущихся поисков, поскольку им оставлена без внимания обобщающая работа М.Ф. Косарева, в которой автор приходит к выводу о сходстве варпаульской посуды с ненарядной федоровской и правомерности синхронизации памятников с керамикой варпаульского типа (основной комплекс могильника Сатыга XVI, Сайгатино VI) с черноозерско-томскими объектами федоровской культуры [1993, с. 97–98]. В.И. Стефанов, напротив, рассматривает андроновские параллели как дальние аналогии сатыгинским, поскольку могильник Черноозерье I, по концепции СТ феномена, должен датироваться постсейминским временем [2011, с. 55–56].

Конечно же, В.И. Стефанов не прошел мимо раскопанного мною культового комплекса Сайгатино VI, «керамика которого принципиально близка сатыгинской» и сопоставима с нею «по основным морфологическим и декоративным признакам» [Там же, с. 55]. Однако в определении возраста Сайгатино VI облик посуды неожиданно игнорируется, поскольку она объявляется «малополезным источником» [Корочкова, Стефанов, 2011б, с. 74].

Подобное отношение к находкам может показаться странным, но оно как раз не удивляет. Литейные формы кельтов из Сайгатино VI отнесены Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых к СК серии², которая, согласно концепции СТ феномена, должна рассматриваться производной от СТ металла и относиться к постсейминскому времени. Иными словами, О.Н. Корочкова и В.И. Стефанов, вновь принимающие на веру интерпретации коллег, а не имеющиеся археологические факты, исключает параллельное существование СТ и СК бронз. «При таком подходе тема сейминско-турбинских проникновений или миграций переходит в разряд неактуальных» [Там же, с. 61].

Прекрасно осознавая уязвимость выстраиваемых обоснований, екатеринбуржцы вынуждены все же признать, что Сатыга XVI и Сайгатино VI разделены незначительным временным интервалом [Там же, с. 76, 85]. Действительно, если отвлечься от облика литейных форм кельтов с обоих памятников (своеобразие матриц может быть объяснено не только хронологическими, но и локальными особенностями сравниваемых позднебронзовых памятников³), на их синхронность указывает не только сходная керамическая посуда, но и сопутствующие ей костяные пластинки с отверстиями [Кокшаров, Чемякин, 1991, с. 49, рис. 3, 5; Кокшаров, 2006, с. 52–53, рис. 3, 9, 10].

К сказанному добавлю, что об одновременности объектов с варпаульской керамикой севера Западной Сибири и памятников черноозерско-томского варианта АКЮ может свидетельствовать нож с перекрестьем и перехватом из погребения 3 Сатыги XVI [Кокшаров, 2011а, с. 180], а также матрица из Сайгатино VI для отливки ажурной подвески в виде «человека в круге» [Кокшаров, Чемякин, 1991, с. 47, рис. 4, 2, 2а–в]. Последние представляют один из атрибутов памятников черноозерско-томского варианта АКЮ (Черноозерье I, мог. Боровлянка XVII) [Стефанов, 2004, с. 114, рис. 1, 1, 2; Погодин и др., 2008, с. 202, рис. 1, 2, 3; 2, 1, 2; 4, 4; 5, 3, 4].

В заключительной главе вклад каждого из исследователей хорошо виден по стилю изложения: некатегоричные и взвешенные рассуждения В.И. Стефанова перемежаются с эмоциональ-

² В работе Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых культовый комплекс Сайгатино VI фигурирует под названием Остяцкий Живец VI [1989, с. 145, 148, 152, рис. 75, 1–1а, 1б, 1в, 2].

³ Локальные особенности металла Сайгатино VI, представленного обломками 1–2 втульчатых предметов, отражает его химический состав. В нем отмечено повышенное содержание Sn (7,6 и 8,4 %) и сопутствующего ему Pb (0,45 и 0,13 %) и, напротив, незначительная концентрация As (0,016 и 0,025 %).

ными пассажирами О.Н. Корочковой. Они попытались рассмотреть материалы могильника на фоне памятников и культур бронзового века Западной Сибири через призму СТ миграций.

Исходные установки соавторов отражают следующие цитаты: «...оснований для существенного пересмотра культурологической модели сейминско-турбинского феномена... мы не находим» [Корочкова, Стефанов, 2011б, с. 77] или «за последние годы не появилось никаких фактов, противоречащих гипотезе Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, о стремительном характере пространственных перемещений СТ-племен и непродолжительности сейминско-турбинского транскультурного феномена». Правда, здесь же отмечается, что доказать эту гипотезу сложно [Там же, с. 78]. Складывается впечатление, что работа по грантам с соответствующей тематикой диктует исследователям ход мыслей, идущий вразрез с имеющимися у них источниками.

В отличие от екатеринбуржцев, Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых демонстрируют большую гибкость формулировок в характеристике СТ феномена. В исторических реконструкциях они позволяют «себе иногда отступить от стиля строгих доказательств, прибегая к свободному изложению гипотез», выражая надежду, что «определенная доля фантазии и вольных ассоциаций... не смутит читателей» [1989, с. 269].

О.Н. Корочкова и В.И. Стефанов справедливо замечают, что концепцию СТ феномена разделяют не все археологи [2011б, с. 77]. Однако приведенный ими список оппонентов носит откровенно выборочный характер. В нем отсутствуют имена авторитетных специалистов, например В.И. Матющенко, М.Ф. Косарева, В.С. Бочкарева, хотя моя фамилия упомянута дважды. Признателен коллегам за пристальное внимание к моим работам и попытаюсь отчасти восполнить возникший пробел.

В 1989 г. одновременно с выходом монографии Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых была опубликована совместная работа В.И. Молодина и И.Г. Глушкова, которые отстаивали диаметрально противоположную позицию. По их мнению, многообразие СТ бронз обусловлено конвергентностью, а вовсе не расселением восточных племен [Молодин, Глушков, 1989, с. 121]. Они констатировали, что в доандроновское время на юге Западной Сибири, хорошо изученном в археологическом отношении, не отмечено следов крупных переселений ни с востока на запад, ни с запада на восток [Там же]. Анализ палеогенетических данных, проведенный спустя десятилетия, подтвердил вывод об отсутствии южного влияния на носителей кротовской культуры и притока нового населения на юг Западной Сибири [Молодин и др., 2011, с. 89].

Сходный взгляд на происхождение СТ металла изложен Г. Парцингером. Он рассматривает транскультурный СТ феномен как искусственную конструкцию, «во всяком случае в его нынешней трактовке», а СТ бронзы — в качестве результата функционирования ведущих металлургических центров того времени [2000, с. 68]. Его мнение получает серьезное обоснование после открытия поселений, связанных с СТ древностями Прикамья.

В данном случае речь идет не об энеолитических гаринско-борских древностях, а о комплексах Заосиново VII, Непряха VII и Партизаны IV, на которых обнаружена керамика, сопоставимая по облику с коптяковской, и кремневые наконечники стрел сейминского типа [Денисов и др., 2011, с. 113]. Они важны тем, что, во-первых, заполняют лакуну между энеолитическими (гаринскими) и позднебронзовыми (луговскими и ерзовскими) памятниками, а во-вторых, образуют единый хронологический пласт вместе с хорошо известными СТ объектами Прикамья (Турбино I, II, Усть-Гайва, Заосиново, Бор-Ленва, Усть-Щугор) [Там же, с. 107, 113]. По существу, речь идет о привязке СТ некрополей к прикамским поселениям и, следовательно, о местных корнях оставившего их населения. Таким образом, выстраивается автохтонная концепция, не оставляющая места для стремительных миграций СТ групп.

По мнению пермских коллег, Заосиново-Непряха-Партизаны образуют единый культурно-хронологический пласт с коптяковскими древностями Урала, который может быть определен как самусьско-сейминский или самусьско-ростовкинский [Там же, с. 115]. Открытие на хорошо изученной территории Прикамья поселений, связанных с СТ могильниками, вселяет надежду на обнаружение на обширных пространствах Обь-Иртышья новых объектов, связанных с варпальскими комплексами Сайгатино VI, Сатыга XVI и Товкуртлор 3.

Одно из уязвимых мест концепции Е.Н. Черных и его коллег — необеспеченность ¹⁴C-датами СТ комплексов [Черных, 2008, с. 49] и то, что они «фактически никогда не бывают безупречно точными» [Линдафф, 2005, с. 29]. Единственная же дата с могильника Сатыга XVI, приводимая соавторами, не может быть прокомментирована исчерпывающим образом [Епимахов и др.,

2005, с. 99]. С другой стороны, археологические факты и источники, противоречащие концепции, получают самые невероятные интерпретации (например, перекрытие могил 9 и 11 на Сатыге XVI) или объявляются «проблемными» (лунница из медно-серебряного сплава [Корочкова, Стефанов, 2011б, с. 66]⁴). В результате выражаются сомнения в обоснованности типолого-хронологических (или релятивистских, по Е.Н. Черных) схем для отдельных микрорайонов или всего западно-сибирского региона, не укладывающихся в концепцию СТ миграций.

Не удивительно, что О.Н. Корочкова и В.И. Стефанов уделяют первостепенное внимание критике предложенной мною периодизации древностей эпохи раннего металла Конды, согласно которой могильник Сатыга XVI не самый ранний среди объектов позднего бронзового века и оставлен местной таежной общиной, а не группой воинов-металлургов, вторгшихся с юга. Между тем обоснования датировок археологических памятников энеолита — бронзового века р. Конды базируются на данных стратиграфии, планиграфии, типологических построениях и ¹⁴C-датах, что отражено в серии публикаций и статей [Кокшаров, 1991б; 1993, с. 8–20; 2006, с. 44–53; 2009, с. 241, 251; 2011а, с. 178–181; 2011б, с. 81–88; 2011в, с. 126–130; 2012а, с. 29–39; 2012б, с. 134–136].

Неприятие разработанных релятивистских шкал и подбор источников, необходимых для обоснования модели СТ феномена, приводят О.Н. Корочкову и В.И. Стефанова к неутешительным выводам. Допуская параллельное существование елунических, абашево-синташтинских, поздних полымьятских поселений Пашкин Бор I и Волвонча I с варпаульским могильником Сатыга XVI [Корочкова, Стефанов, 2011б, с. 66, 72–73], они перенасыщают культурами и памятниками ПБВ-1. С другой стороны, вынуждены констатировать досадную лакуну для постсейминского времени, которая проявляется в невозможности идентификации на севере Сибири древностей, синхронных памятникам АКЮ [Там же, с. 82–83]. Авторы сомневаются также в СТ принадлежности большинства захоронений на могильнике Сатыга XVI [Там же, с. 84–85] и приходят к выводу, который напрашивался сам по себе: об отсутствии четкой хронологической грани между СТ и СК древностями [Там же, с. 76, 79; Косарев, 1993, с. 84; Кокшаров, 2006, с. 51–53; Бобров, 2008, с. 290, рис. 1]. Из этого следует, что комплексы ПБВ-1 и ПБВ-3 [Черных и др., 1990] должны хронологически смыкаться⁵. Если это действительно так, то следовало бы пояснить: остается или нет место в уплотнившемся интервале для древностей ПБВ-2 и как его конкретизировать.

Явный дрейф наблюдается во взглядах О.Н. Корочковой и В.И. Стефанова и по хронологии абашева. Ранее они констатировали, что данная проблема не решена [Стефанов, Корочкова, 2000, с. 82], а в монографии «Сатыга...» уже не возражают против гипотезы Е.Н. Черных о синхронном существовании СТ популяций и абашево-синташтинской общности в ее петровском варианте [Черных, 2009, с. 278; Корочкова, Стефанов, 2011б, с. 72]. Следует заметить, что дискуссия о времени бытования абашевских и синташтинских памятников до сих пор не завершена [Халыпин, 2010, с. 107–108; Виноградов, 2011, с. 22–23; Кокшаров, 2012б, с. 135–136], как, впрочем, и нет единства по вопросу приоритета СТ памятников по отношению к петровским [Ткачев, 2007, с. 334–335; Виноградов, 2005, с. 131; 2011, с. 142].

Несмотря на уверения О.Н. Корочковой и В.И. Стефанова в неизменности культурологической модели феномена, она все же претерпела определенную трансформацию даже в трудах Е.Н. Черных. Он внес западно-сибирские могильники Сатыга и Ростовка в список исключений, противопоставив им СТ квазимогильники или святилища-мемориалы (Турбино, Сейма) [2009, с. 265, 277, 584]. Новая гипотеза исследователя о культовом характере памятников интересна и, на мой взгляд, весьма продуктивна, поскольку снимает часть неопределенностей, возникающих вокруг СТ древностей. Она, безусловно, приемлема, но нуждается в корректировке с учетом имеющихся этнографических данных. Последние же свидетельствуют о долговременности функционирования некоторых святилищных комплексов, где встречаются вещи различных эпох, культур и этносов [Кокшаров, 2012а, с. 33; 2012б, с. 133–134]. Факты из этнографии активно ослабляют доказательную базу Е.Н. Черных и его коллег, усиливая одновременно по-

⁴ Подвеска-лунница из Cu+Ag сплава из раннеполымьятского жилища поселения Геологическое III, детали ее местонахождения, предполагаемый возраст и происхождение обстоятельно рассмотрены ранее [Кокшаров, 2012а, с. 32–35; 2012б, с. 131–136].

⁵ О.Н. Корочкова и В.И. Стефанов замечают, что на коптыковском памятнике Шайтанское озеро II удивительным образом сочетаются изделия СТ, СК и евразийского типов, т.е. древности ПБВ-1 и ПБВ-3 [2011б, с. 75].

зиции оппонентов, которые рассматривают СТ коллекции в качестве собраний разновременных и инокультурных древностей.

Другой уязвимый тезис сторонников СТ феномена касается признания за мигрантами⁶ вклада в распространение навыков металлообработки и первого металла среди таежного населения Западной Сибири (с. 61) [Кузьминых, 1993, с. 119; Черных, Кузьминых, 1987, с. 102, 104–105; 1989, с. 272, 276]. Слабо представляя археологические материалы р. Конды, О.Н. Корочкова и В.И. Стефанов выносят на обсуждение давно решенный вопрос: в каком окружении оказались гипотетические СТ пришельцы — среди населения энеолитической поры или бронзового века [2011б, с. 61].

Стратиграфические наблюдения, остатки литейного производства, изделия из металла, его состав, керамика и сопутствующие ей находки, а также ¹⁴C-даты свидетельствуют, что становление собственной металлообработки в таежной зоне Западной Сибири произошло в бронзовом веке, а точнее, в досейминское время. В бассейне р. Конды это событие связано с распространением ранних полымьятских поселений [Кокшаров, 1991б, с. 95, рис. 1, 36, 39–42, 45–47; 1993, с. 10, 15, 17; 1999, с. 64; 2006, с. 48–51, рис. 2, 16, 17, 24, 25, 44, 45, 47, 48, 52, 53; 2011б, с. 86–88; 2011в, с. 122–130, рис. 2, 3; 2012б, с. 131–138, рис. 1, 1; Кокшаров, Погодин, 2005, с. 109, 112]. Металлические предметы с этих памятников и состав примесей в металле могут свидетельствовать об их абашевском и гаринско-борском происхождении [Кокшаров, 2012а, с. 35–37, 39, рис. 2, 1; 2012б, с. 131–138, рис. 1, 1]. Металл и облик продукции, восстанавливаемой по литейным формам, дают основания для синхронизации кондинских древностей с поздней фазой ЦМП.

Авторы заключительной главы «Сатыги...» предлагают не ограничиваться ЦМП и расширить поиск аналогий вглубь и вширь, например до энеолита и зоны БКМП, усомнившись в правомерности выстраиваемых мною параллелей с территориально и хронологически близкими полтавкинскими и катакомбными древностями [Корочкова, Стефанов, 2011б, с. 67]. Вместе с тем они упускают из внимания (или не придают значения?!) важные замечания специалистов по поводу сатыгинского металла. Он обнаруживает близость по некоторым традициям и навыкам с коллекциями ямных памятников Приуралья, где получили широкое распространение медные отливки в формах в сочетании с кузнечной доработкой рабочей части при средних степенях обжатия [Дегтярева, Кузьминых, 2011, с. 44]. Этот факт указывает на сохранение некоторых архаичных технологий в позднем бронзовом веке.

Позиция, занимаемая О.Н. Корочковой и В.И. Стефановым по поводу влияния СТ популяций на становление таежной металлообработки, противоречит не только имеющимся археологическим данным, но и выводам археологов, изучающим древнее металлопроизводство. Владея значительным корпусом источников, они подчеркивают, что собственная металлургия и металлообработка была известна лесным обитателям Восточной Европы и Урала уже в IV тыс. до н.э. т.е. задолго до начала функционирования металлургических и металлообрабатывающих очагов Евразийской металлургической провинции и соответственно памятников СТ облика [Черных и др., 2011, с. 35]. В частности, указывается на значительную роль новоильинских и гаринских⁷ производственных центров Камского региона в становлении энеолитической металлургии и металлообработки в горно-лесной зоне Урала и к востоку от него [Кузьминых, Дегтярева, 2006б, с. 212].

О.Н. Корочкова и В.И. Стефанов сознательно не акцентируют внимания на памятниках, связанных с металлообработкой досейминского времени. Это производственная площадка на раннем полымьятском поселении Лева VIII (бассейн р. Конды), обнаруженная еще в 1980-х гг., и мастерская на Ендырском VIII поселении (Нижняя Обь) [Визгалов, 1986, с. 17–18, 29, 31; Кокшаров, 2011в, с. 122–130; Кокшаров, Погодин, 2005, с. 100–112]. Между тем становление собственного литейного производства на севере Западной Сибири объясняет причины широкого распространения более совершенных приемов металлообработки в позднем бронзовом веке с последующим выделением в обществах рыболовов и охотников мастеров-литейщиков [Кокша-

⁶ О.Н. Корочкова и В.И. Стефанов предусмотрительно избегают обсуждения такой сложной проблемы, как статус предполагаемых СТ мигрантов, а Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых определяют их крайне аморфно: племена, племенные группы, группировки, объединения, скотоводы-конеководы, всадники, народ воинов-металлургов и др., с социально доминирующими кланами металлургов и конеководов.

⁷ Что касается возраста гаринско-борских древностей, то они датируются в широком хронологическом диапазоне, о чем свидетельствует серия ¹⁴C-дат: 4000–1100 (68,2 %) и 4400–1000 (92,4 %) гг. до н.э. [Черных и др., 2011, с. 34, рис. 6].

ров, 1992, с. 14]. Сходные социальные изменения коснулись и структуры общин Среднего Прииртышья и Барабинской лесостепи, оставивших Сопку-2 и Ростовку [Молодин, 1983, с. 96, 104, 109; Матющенко, Синицына, 1988, с. 10, 30–31; Кокшаров, 2006, с. 52]. Однако упомянутые авторы настойчиво отказывают носителям северных и южных западно-сибирских культур бронзового века в праве иметь погребения литейщиков, связывая последние исключительно с мигрирующими СТ популяциями [Корочкова, Стефанов, 2011а, с. 28]. «Отвергая или принижая фактор миграций, не удастся найти удовлетворительного объяснения появлению Сатыги XVI и ее сходству с Ростовкой, Турбино, Сеймой и другими СТ-памятниками» [Корочкова, Стефанов, 2011б, с. 77]. Они даже не допускают мысли, что в погребальном обряде культур бронзового века могла учитываться профессиональная специализация умерших [Бочкарев, 2010, с. 211].

Для прояснения мотивов и способов стремительных перемещений СТ групп в позднем бронзовом веке и придания большей убедительности историческим реконструкциям, положенным в основу культурологической модели СТ феномена, Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых обращаются к конкретным историческим событиям и этнографическим параллелям [1987, с. 105; 1989, с. 276]. Часть из подобранных примеров, безусловно, показательны, но они убеждают далеко не всех археологов [Грушин и др., 2009, с. 25]. Даже С.А. Григорьев, позиционирующий себя сторонником СТ передвижений, указывает на уязвимость концепции: «какие-либо иные археологические и исторические аналоги ему (СТ феномену. — С. К.) отсутствуют» [1999, с. 191].

Авторы рецензируемой книги, связывающие сатыгинский могильник с СТ пришельцами, безусловно поспешили, поскольку не учли важные нюансы средневековой истории р. Конды.

Факты красноречиво свидетельствуют о бесперспективности стремительных военных вторжений в этот таежный район. Разгром непримиримого Кондинского княжества, закончившийся взятием столицы — городка Картауж, пленением князя Агая и его семьи, произошел после серьезных подготовительных мероприятий, предпринятых Московским государством после похода Ермака. Прежде всего в Зауралье были отстроены такие форпосты, как Лозьвинский городок (1588 г.) и город Березов (1593 г.), где удалось сконцентрировать необходимые военные силы. Однако этих мер и даже наличия огнестрельного оружия у служилых людей и казаков было явно недостаточно, так как противник мог легко скрыться в тайге и, перегруппировавшись, нанести ответный удар, сведя на нет достигнутые успехи. По этому сценарию на территории Югры гибла не одна новгородская дружина (походы воевод Ядрея в 1193 г. и В. Шенкурского с М. Яковлем в 1446 г.).

Залогом успеха русского рейда против Кондинского княжества, состоявшегося в 1593–1594 гг., стало участие третьей стороны в лице Игичея Алачева — правителя нижнеобского княжества Кода и его воинов (служилых людей). Кодичи не только помогали русским в строительстве г. Березова, но и подавляли мятежи, поднятые другими сибирскими аборигенами. Князь Игичей и его люди хорошо знали территорию давнего соперника, а также прекрасно владели опытом ведения боевых действий в условиях тайги.

Однако покорение Конды в конце XVI в. было номинальным событием, так как территория оставалась фактически недоступной для русского влияния весь XVII и первую четверть XVIII в., о чем говорилось выше, в связи с выяснением этимологии термина «Сатыга». Местное население по-прежнему признавало власть потомков князя Агая, которые собирали здесь ясак и вели монопольную торговлю [Бахрушин, 1935, с. 82–83].

Приведенные сведения вызывают очень большие сомнения в реальности вторжения на Конду небольших СТ популяций [Кокшаров, 2011в, с. 83]. Маловероятно, что мигрантов (конечно, если таковые были), заинтересованных в источниках металла, могла привлечь Кондинская низменность. Во-первых, здесь отсутствуют рудопроявления меди. Во-вторых, река и ее притоки берут начало в непроходимых западно-сибирских лесах и болотах, но никак не на восточных склонах Урала. Говоря иначе, неверно рассматривать Конду в качестве наикратчайшей водной магистрали, выводящей к уральским медным месторождениям. Это, скорее, таежный лабиринт, в котором посторонний мог легко заблудиться и пропасть: летом быть заживо съеденным гнусом, а зимой замерзнуть от лютой стужи. Наконец, ограниченный обзор в лесу не позволил бы небольшой группе чужаков миновать устроенную засаду и вернуться от пущенных оттуда стрел.

В заключение отмечу, что опубликованные материалы представляют ценный источник, который будет востребован сторонниками СТ миграций и их оппонентами. Однако было бы неверно разделять дискутирующие стороны на непримиримых «миграционистов» и «автохтонистов». Фактически обе группы придерживаются позиций диффузионизма: если первые связы-

вают распространение металла и технологий его обработки с предполагаемыми расселениями мастеров-литейщиков, то вторые объясняют эти явления системами широтно-меридиональных связей у народов Северной Евразии, которые еще предстоит изучить в полной мере⁸.

Представленная монография наглядно демонстрирует, что даже самые эффективные интерпретации, выстроенные на не выверенных в хронологическом отношении археологических источниках и не учитывающие более поздних исторических сведений, остаются достаточно уязвимыми для критики. Надеюсь, что мои уточнения и замечания сделают изучение книги еще более увлекательным и интересным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1935. 91 с.

Беспрозванный Е.М. Отчет об исследовании мог. Сатыга XVI в Кондинском районе Тюменской области в 1987 г. Свердловск, 1988 // Архив ИА РАН. Р-1, № 12289.

Беспрозванный Е.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Описание исследованных объектов некрополя Сатыга XVI // Сатыга XVI: Сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири / Коллективная монография. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011а. С. 11–20.

Беспрозванный Е.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Предисловие // Сатыга XVI: Сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири / Коллективная монография. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011б. С. 4–7.

Беспрозванный Е.М., Погодин А.А. К вопросу о культовых представлениях мезолитического населения бассейна р. Конды // ВАУ. Екатеринбург: Изд-во ОАО «Полиграфист», 1998. Вып. 23. С. 48–62.

Бобров В.В. Периодизация эпохи бронзы Кузнецко-Салаирской горной области // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. М.: ИА РАН, 2008. Т. I. С. 288–290.

Бочкарев В.С. Погребения литейщиков эпохи бронзы (методологический пересмотр) // Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы: Сб. статей В.С. Бочкарева. СПб.: Инфо Ол, 2010. С. 209–211.

Визгалов Г.П. Отчет о раскопках поселений Леуши XIX и Лева VIII в Кондинском районе Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области в 1985 г. Тобольск, 1986 // Архив ИА РАН. Р-1, № 15630.

Виноградов Н.Б. Памятники петровского типа в Южном Зауралье и Северном Казахстане: Культурная атрибуция и внутренняя периодизация // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005. С. 129–133.

Виноградов Н.Б. Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н.э.: (Памятники синташтинского и петровского типа). Челябинск: Абрис, 2011. 175 с.

Генинг В.Ф., Стефанова Н.К. Черноозерье I — могильник эпохи бронзы Среднего Прииртышья. Препр. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1994. 67 с.

Григорьев С.А. Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. Челябинск, 1999. 444 с.

Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 160 с.

Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Результаты аналитического изучения металлических изделий // Сатыга XVI: Сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири / Коллективная монография. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011. С. 37–44.

Денисов В.П., Мельничук А.Ф., Митряков А.Е. Малоизученный хронологический горизонт Заосиново VII — Непряха VII — Партизаны IV эпохи бронзы Среднего Прикамья // Шестые Берсовские чтения: Сб. статей Всерос. археол. науч.-практ. конф. Екатеринбург: КВАДРАТ, 2011. С. 107–116.

Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. 2005. № 4. С. 92–102.

Зданович Г.Б., Батанина И.М. Аркаим — Страна городов: Пространство, образы (Аркаим: Горизонты исследований). Челябинск: Крокус: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2007. 260 с.

Кокшаров С.Ф. Памятники позднего бронзового века р. Конды // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях. Уфа, 1991а. С. 66–69.

Кокшаров С.Ф. Хронология памятников бронзового века р. Конды // ВАУ. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1991б. С. 92–101.

Кокшаров С.Ф. Энеолит и бронзовый век бассейна р. Конды: Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1992 // АКА УрГУ. Ф. III, д. 349.

⁸ К той же мысли склоняются А.И. Кубышев, И.Т. Черняков [1985, с. 39], М.В. Тавризян [2001, с. 82–83] и К.М. Линдафф [2005, с. 28].

С.Ф. Кокшаров

Кокшаров С.Ф. Энеолит и бронзовый век бассейна р. Конды: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. 23 с.

Кокшаров С.Ф. Металлообработка на реке Конде в бронзовом веке // 120 лет археологии восточного склона Урала: Первые чтения памяти В.Ф. Генинга: Материалы конф. 29 ноября — 2 декабря 1999 г. Екатеринбург, 1999. Ч. 2. С. 64–65.

Кокшаров С.Ф. Север Западной Сибири в эпоху раннего металла // Археологическое наследие Югры: Пленарный доклад II Сев. археол. конгр. 24–30 сентября 2006 г., Ханты-Мансийск. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006. С. 41–67.

Кокшаров С.Ф. Памятники энеолита севера Западной Сибири. Екатеринбург: Волот, 2009. 272 с.

Кокшаров С.Ф. Использование шаблона в керамическом производстве (по материалам бронзового века Урала и Севера Сибири) // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2011а. Т. 10, вып 5: Археология и этнография. С. 175–182.

Кокшаров С.Ф. Керамика полымьятского типа поселения Геологическое III (материалы раскопа IV) // Шестые Берсовские чтения: Материалы: Сб. статей Всерос. археол. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2011б. С. 75–90.

Кокшаров С.Ф. Металлообрабатывающий комплекс досейминского времени со Средней Конды // Урал. ист. вестн. 2011в. № 1 (30). С. 122–130.

Кокшаров С.Ф. Первый металл Конды // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012а. № 4 (19). С. 27–42.

Кокшаров С.Ф. Подвеска-лунница с верховьев Конды: (К проблеме трансуральских связей начала бронзового века) // Урал. ист. вестн. 2012б. № 3 (36). С. 131–138.

Кокшаров С.Ф., Погодин А.А. Мастерская бронзового века на р. Ендырь // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 2 (22). С. 100–113.

Кокшаров С.Ф., Чемякин Ю.П. Памятник бронзового века в окрестностях д. Сайгатино // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск: Изд-во ОмГУ, 1991. С. 43–52.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Погребальный обряд // Сатыга XVI: Сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири / Коллективная монография. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011а. С. 21–29.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Сатыга XVI в системе культур эпохи бронзы Зауралья и Западной Сибири // Сатыга XVI: Сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири / Коллективная монография. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011б. С. 60–85.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Погодин А.А. Раскопки сейминско-турбинского могильника в Западной Сибири // АО 2001. М.: ИА РАН, 2002. С. 428–430.

Косарев М.Ф. Из древней истории Западной Сибири: Общая историко-культурная концепция // Рос. этнограф. М., 1993. Вып. 4. 283 с.

Косинская Л.Л. Энеолит и эпоха бронзы // История Ямала: В 2 т. Т. I: Ямал традиционный. Кн. 1: Древние культуры и коренные народы. Екатеринбург: Баско, 2010. С. 47–60.

Косинская Л.Л. Каменный инвентарь // Сатыга XVI: Сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири / Коллективная монография. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011. С. 44–51.

Кубышев А.И., Черняков И.Т. К проблеме существования весовой системы у племен бронзового века степей Восточной Европы (на материалах погребения литейщика катакомбной культуры) // СА. 1985. № 1. С. 39–54.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоари? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: ВИНТИ РАН, 1994. 464 с.

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе: ПринтА, 2008. 358 с.

Кузьминых С.В. Евразийская металлургическая провинция и цветная металлообработка раннего железного века: Проблема соотношения // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: Тез. докл. XII Урал. археол. совещ. 19–22 апреля 1993 г. Екатеринбург, 1993. С. 119–122.

Кузьминых С.В. Литейные формы // Сатыга XVI: Сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири / Коллективная монография. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011а. С. 30–32.

Кузьминых С.В. Металлические изделия // Сатыга XVI: Сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири / Коллективная монография. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011б. С. 32–37.

Кузьминых С.В. Сейминско-турбинская проблема: Новые материалы // КСИА. 2011в. Вып. 225. С. 240–263.

Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д. Поздний бронзовый век // Археология: Учеб. М.: Изд-во МГУ, 2006а. С. 219–270.

Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д. Эпоха раннего металла вне пределов Циркумпонтийской металлургической провинции // Археология: Учеб. / Под ред. акад. В.Л. Янина. М.: Изд-во МГУ, 2006б. С. 205–219.

Кузьминых С.В., Стефанов В.И. Втульчатые чеканы эпохи бронзы: Истоки многовековой традиции // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: от артефактов к прочтению прошлого: К 80-летию С.В. Студзицкой и М.Ф. Косарева. Томск: Аграф-Пресс, 2012. С. 143–148.

Факты, комментарии, интерпретации...

- Линдафф К.М.* Как далеко на восток распространялась Евразийская металлургическая традиция? // РА. 2005. № 4. С. 25–35.
- Матющенко В.И., Сеницына Г.В.* Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск: Изд-во ТГУ, 1988. 136 с.
- Молодин В.И.* Погребение литейщика из могильника Сопка-2 // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1983. С. 96–109.
- Молодин В.И., Глушков И.Г.* Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск: Наука, 1989. 168 с.
- Молодин В.И., Пилипенко А.С., Чикишева Т.А. и др.,* К вопросу о связях населения территории современного Казахстана и Барабинской лесостепи в эпоху бронзы (по материалам археологии, антропологии и палеогенетики) // Маргулановские чтения-2011: Материалы междунар. археол. конф. Астана, 20–22 апреля 2011 г. Астана, 2011. С. 88–92.
- Парцингер Г.* Сейминско-турбинский феномен и формирование сибирского звериного стиля // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1. С. 66–75.
- Погодин Л.И., Полеводов А.В., Труфанов А.А.* Бронзовая антропоморфная пластика могильника Боровлянка XVII // Барсова Гора: Древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2008. С. 195–205.
- Потемкина Т.М.* К вопросу о соотношении федоровских и алакульских комплексов // Из истории Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1973. Вып. 7. С. 53–64.
- Потемкина Т.М.* Бронзовый век лесостепного Приобья. М.: Наука, 1985. 376 с.
- Сальников К.В.* Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.
- Сатыга XVI:* Сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири / Коллективная монография. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011. 192 с.
- Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И.* Бронзовый век Урала: Новые перспективы // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. М., 2008. Т. I. С. 341–346.
- Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И.* Шайтанское озеро: Новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (38). 2009. С. 67–77.
- Сергеев А.С., Погодин А.А.* Культурно-хронологические комплексы поселения Коим 1 // Барсова Гора: Древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2008. С. 170–194.
- Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977. 84 с.
- Стефанов В.И.* Забытая находка из Черноозерского могильника // РА. 2004. № 4. С. 114–118.
- Стефанов В.И.* Керамика // Сатыга XVI: Сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири / Коллективная монография. Екатеринбург: Урал. рабочий, 2011. С. 51–56.
- Стефанов В.И., Корочкова О.Н.* Андроновские древности Тюменского Приобья. Екатеринбург: Полиграфист, 2000. 106 с.
- Студзицкая С.В., Кузьминых С.В.* Галичский «клад»: (К проблеме становления шаманизма в бронзовом веке Северной Евразии) // Мировоззрение древнего населения Евразии. М.: Старый сад, 2001. С. 123–165.
- Таверизян М.В.* Сейминско-турбинский феномен как социально-политическое явление // Археология и этнография Среднего Приуралья. Березники: Изд-во ПермГУ, 2001. Вып. 1. С. 77–86.
- Ткачев В.В.* Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: Актоб. обл. центр истории, этнографии и археологии, 2007. 384 с.
- Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма: Историогр. очерки. М.: Знак, 2004. 320 с.
- Халяпин М.В.* К вопросу о хронологическом соотношении абашевских и синташтинских памятников: (Историографический аспект) // Аркаим — Синташта: Древнее наследие Южного Урала: К 70-летию Г.Б. Здановича. Челябинск: Изд-во Чел. ун-та, 2010. С. 106–111.
- Черных Е.Н.* Формирование евразийского «степного пояса» скотоводческих культур: Взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 3 (35). С. 36–53.
- Черных Е.Н.* Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур. М.: Рукоп. памятники Древней Руси, 2009. 624 с.
- Черных Е.Н., Агапов С.А., Кузьминых С.В.* Азиатская зона Евразийской металлургической провинции // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири: Тез. докл. Томск, 1990. С. 34–37.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 84–105. (Археология СССР).
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Древняя металлургия Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 320 с.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б.* Металлоносные культуры лесной полосы вне системы Циркумпонтийской провинции: Проблемы радиоуглеродной хронологии IV–III тысячелетий до н.э. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. М.: ИИА РАН, 2011. Вып. 2. С. 24–62.

Екатеринбург, ИИА УрО РАН
uniz@mail.ru